

Дорога по земле, словно линия сквозь ткань времени, через которую и по которой ты движешься. Если дорога короткая, то ты летишь по ней, наполняясь весельем, наслаждаясь скоростью, быстротечностью. Если же дорога длинная, то по ней ты едешь, прокручивая через себя пространства, летящие вокруг тебя, людей с которыми ты встречаешься или взглядом, или говорящих с тобой, погружаясь, время от времени, в созерцание самой дороги — с её бугорками, трещинами на полотне, растительности, строениями по обеим сторонам дороги, неясных очертаний вдали. Трейлер нёсся именно по такой дороге — длинной, не петляющей среди неровностей местности, а разрезающей местность прямой линией полотна. Сначала слабый ручеёк машин, появившийся после проезда нами участка возле базы, стал наполняться машинами, строениями, какими-то сооружениями, расплывающимися в дрожащем мареве. И к вечеру, когда настало время выбирать место для ночёвки, мы столкнулись с проблемой — все места на стоянке были заняты, полиция, появившаяся уже перед самой стоянкой, требовала двигаться дальше. Барт, хмыкнув, выпрыгнул из кабины, а через десять минут наш трейлер втиснулся в груды разномастных трейлеров и замер, остывая после дороги. Полицейские, закрыв стоянку, стали выставлять ограждение на самом съезде к стоянке, другие машины неслись мимо стоянки, возмущённо мигая фарами. Ведь до следующей стоянки как минимум минут сорок, если не больше. К тому же, не известно будет ли там свободное место?

Здесь уже чувствовалась близость большого города. Маленькие городки, пролетавшие мимо нас по обочинам этой магистрали, в той или иной степени, были сами по себе. Стояли вышки, какие-то патрули появлялись при приближении нашего трейлера. Тут же, практически на каждом перекрёстке стоял пост полиции, в небе неспешно проплывали дирижабли — горы служащие на время недельного патрулирования и местом службы, и местом проживания полицейских. Барт, принесший большой пакет с едой из бара, подмигнул нам с Софией, положил сверху на пакет газету. На развороте была крупная фотография Валерии, моя фотография, а внизу мелким почерком писано-переписано! Особо выделялась на фоне текста сумма вознаграждения за информацию о беглецах. Если я помню точно сумму прежнего вознаграждения, то прирост составил сорок процентов. Мда. Игра на нас шла по-крупному. София, с которой мы спали в одной постели уже как неделю, покрутила газету, прочла несколько заметок, пожалала плечами. Ничего нового. За исключением того, что сумма вознаграждения возросла. Ставки растут!

Остановка у водоёмов всегда приятная остановка. Даже просто постоять на берегу, посмотреть на широкое, а иногда и не широкое зеркальное отражение неба, природы. Да и сами остановки были замечательные! Мы купались, загорали на берегу небольших озёрков, которых было множество, если свернуть с дороги и проехать с километр, не больше. Мелкие, широкие, они прогревались до самого дна, ласково обмывая уставшие тела и давая не только нам, но и своим обитателям тепло. В такие моменты мы не думали ни об охоте на нас, ни о том, что нас могут проверить спустившиеся с небес полицейские. Только вчера вечером, укладываясь спать, мы слышали резкие хлопки, громкие крики на самом краю этой крупной стоянки.

— Полиция берёт перевозчиков наркотиков. — Барт нырнул в кабину, щёлкнул замками дверей, иллюминаторов. — А вы давайте наверх и сидеть там тише воды.

— Понятно. Но нас это не касается. Хотя. — София стянула с полки какую-то коробку, зеркало. — Вы давайте, дуйте наверх.

На следующий день мы свернули с дороги, откатились к одному из озерков.

— Купаться! — Барт выскочил из кабины, скинул одежду, ухнул с разбега в воду.

— Купаться! — Марта последовала его примеру.

— А вам это уже вредно! — София ткнула пальцем в небо. — Вон видите такие маленькие точки? Автоматы слежения. Сканируют каждого человека, сличают с данными из базы. А потом... Кому как повезёт.

— Так что же делать? — Валерия уже стянувшая лямки майки, натягивала её обратно на упругую грудь.

— Настало время вас немного изменить. — Хмыкнула София.

— Изменить? — Валерия удивлённо подняла брови.

— Все пояснения потом! — Марта, мокрая, в капельках воды на теле, полезла под диван, завозилась с чем-то. — Вы мне тут мешаете!

— До выхода на большую трассу, — София говорила спокойно, словно обсуждала меню на следующий день, — вы должны быть уже в новом виде и с новыми документами.

— Новом виде? — Валерия натянула на себя майку, залезла с ногами на кровать. — А?

— А этим мы сейчас и займёмся. — София щёлкнула замками, открыла коробку.

К проституткам в «нашем милом уголке», что от нашей школы совсем недалеко, я пошёл во втором увольнении. Управление общественного спокойствия, по-другому управление публичного спокойствия, вообще никак не смотрела на посещение контролируемых ею публичных домов курсантами Школы пилотов и десантуры, как и прочих учебных заведений. К тому же, девочки и женщины заведений могли спокойно вытащить нужную информацию у расслабленных клиентов. Многие потом с тоской вспоминали эти моменты, а УПС крутила из них нитки, выводя порой замысловатые кружева заговоров, преступлений, требующих, конечно же, строгих наказаний. Невозможность бороться с реальными преступниками, так как они порой были с ними в доле, выливалась в такие показательные порки, аресты, раскрытие заговоров. Но в тот момент меня это мало волновало. Мне нужна была женщина. Причём уже вчера и как можно больше. После пяти месяцев воздержания меня распирало от давившей изнутри спермы. Не смейтесь! Если не считать пару девочек с платформы, на которой я просидел, ожидая попутного рейса до Школы, то у меня не было секса уже давно. Очень давно. Стоп! Вру. Едва я вступил на эту планетку, чтобы подать документы в Школу, мне подвернулась та официантка из кафе, что напротив городского совета.

Облака пыли протащили меня вдоль улицы, которая в дальнейшем была изучена до последней подворотни, последнего камешка в мостовой, и прижала к дверям кафе. Куда и я нырнул, стараясь отдышаться. И сразу наткнулся на неё, несущую поднос с пустыми тарелками. Заведение тогда ещё пыталось сделать приличное лицо, обслуживая клиентов с керамическими тарелками и, вообще, пускала пыль в глаза. Это потом пошли пластиковая посуда, консервированные продукты и так далее. Но тогда всё было прилично.

Её я, конечно, уронил вместе с подносом. А так как в кармане у меня было столько денег, что я мог себе позволить помечтать обо всём, то первым вопросом, после извинений, подъёма с

пола её, меня и битой посуды, был простым и ясным «Чем платить будешь?»

Мытье посуды не самое страшное. Самое страшное это уже помытая посуда. Неси осторожно, не лапай грязными руками и не дай бог уронить! А они сволочи тяжёлые, чуть мокрые, так и норовят выскользнуть! К вечеру, уставший, я присел в коридоре, стараясь понять сколько мне на этой галере ещё пыхтеть, намывая посуду. К такому вот, вспотевшему, уставшему и голодному подошла она — такая красавица-принцесса в передничке, красивой причёской, ласковым взглядом.

— Кушать хочешь? — Она присела, невольно подставив вырез платья и всё то, что дальше просматривалось. — Мясо будешь?

— Буду. — А чего дурить? Может пожрать удастся.

— Пошли. — Она взяла меня за руку, собираясь вести меня за собой. И тут я понял, каким-то не десятым, а сотым чувством, что у меня будет не только обед, ужин, но и тёплый дом, тёплая кровать и женщина. Эта женщина, ведущая за собой по коридору.

До дома, как и до кровати, мы не дошли. Я подхватил её, прижал к стенке и стал целовать. Мне было наплевать, что за стенкой о чём-то спорили повара, гремела сетка, принимавшая продукты. Руки словно давно бывали тут, нырнули вниз, нащупали замочек, открывавший её комбинезон. Пыхнувшее тепло, притянуло руки к низу её коротенькой курточки.

— Тут неудобно. — Она отстранилась, забегала пальцами по пуговицам куртки.

— А мы сделаем, что будет удобно. — С этими словами я рванул на себе кнопки брюк.

Следующим движением было спусканием своих трусов.

— Ты, как голодный волк! — Она суетливо развязывала пояс, окутавший её талию, не поднимая головы, так как глаза смотрели на торчавший Эверестом член. — Мы тут спалимся.

— Никого не будем тут поджигать. — Я тогда и подумать не мог, что суть этого слова совершенно другая. — А вот тебя сейчас зажжём.

— Я и без этого готова! — Она спустила штаны вместе с трусами, показывая свой чёрный треугольник внизу живота.

— Тогда вперёд! — Она ойкнула под моими руками, разворачиваясь спиной и сгибаясь. — Ты чего? Так? А так можно? Ведь,...

— До сих пор получалось. — Я уловил этот её настрой — испуганной, но желающей попробовать что-то новое. Она была замужем, был ребёнок, а вот секса, как видно, не было. Такого какой ей был нужен. — Только не кричи.

— Как получится. — Она улыбнулась, пытаясь ухватить меня за член заведённой за спину рукой. — Обещать ничего не могу. ОХ!

Это я уже вошёл в неё, протаранив горячие, чуть мокрые губки. Похоже, я просто вдавил их внутрь этого широкого прохода, который оказался за ними. Дёрнувшись чуть вперёд, она упёрлась пуками в стенку, наклонила голову, показывая стриженный затылок. Ох, как же мне нравились тогда женские затылки! От них внутри меня поднималась такое приятное волнение, перераставшее потом в желание увидеть этот затылок вспотевшим, а владелицу, чуть живой от пережитого секса. Двигаясь внутри, поднимая градус, влажность в этом тоннеле, мне всё больше и больше приходилось прилагать усилия. Она выскальзывала из моих рук, крутила бёдрами, толкала рукой в бедро, хватала за яйца — вообще, вела себя как нецелованная девочка, пробующая секс в первый раз! Я сдвинул ей ноги вместе, сузив себе тоннель и лишив её возможности совать руку между собой и мной. И чем дольше я трудился над ней, тем тише и покорней становилась она. Вцепившись в какую-то трубу, женщина

послушно крутилась в моих руках, подмахивала, поднималась на цыпочки, замирала, помогая мне тем самым, чуть разнообразить её и мои ощущения. В какой-то момент мне подумалось, что она просто подставляется и всё, ничего не испытывая при этом. Но я ошибался.

В момент очередного сжатия половинок её попки официантка задрожала, оторвалась от трубы, схватила меня за края куртки и так прижала меня к себе, что затрещали нитки в швах! Чтобы вы понимали — кусок ткани можно выдрать из пилотской куртки, но шов разодрать невозможно. Как бы не старались. Сшито намертво! А потом задёргалась, мотая головой, оседая на ослабевших ногах. Не давая ей упасть, я продолжил насаживать её, понимая, что мне надо кончать. Продолжения, в котором мы получим удовольствие одновременно в нормальной обстановке, не будет. Дома ждал ребёнок, муж, а места, где мы могли бы продолжить, не было. Громко сопевшая женщина, выходящая из состояния близкого к неземному существованию, замерла, почувствовав мой взрыв в себе. А потом наклонилась ещё ниже, заработала мышцами туннеля, словно выдавливая и вбирая в себя мою сперму. Подержав её в своём плену ещё несколько минут, насладившись этим ощущениями, я разжал руки. Но официантка не разогнулась сразу. Постояв, наклонившись, несколько мгновений, она стала натягивать на свою горячую попку трусики. Я помог их натянуть, расправил ткань, благодарно чмокнув в тонкую кожу одной из половинок.

— Ты откуда? — Всего несколько слов которыми мы перебросились, когда она кормила меня, не дают достаточной информации для понимания кто перед тобой и откуда он. — Где живут такие еблывые мужики?

— Ты же знаешь. Документы у тебя в кармане. — А ведь их отобрал дежурный администратор этой забегаловки. — Ты как? — Это она выпрямилась, зажав поясницу и низ живота.

— Нормально. — Она улыбнулась мне. — Давно меня так вот. Да ещё вот в такой позе. А у вас часто вот в такой позе?

— Как захочется. — Брюки на меня прыгнули сами. А вот ей пришлось помогать вновь наматывать эту красоту на талию. — А у вас, что нет?

— У нас, на Таруре такая поза, — она выдохнула облачко горячего воздуха, — запрещена. У нас многое запрещено. Отцы-радители много чего не вписали в правила. Вот это, например. — Она вытащила из кармана плотно сжатые резинкой документы и пару купюр универов. — Ты иди, я дальше сама. Не надо чтобы нас видели вместе.

Потом я заходил к ней пару раз. Она улыбалась, но дальше разговоров не пошло. А потом она, вообще, рассчиталась и исчезла, растворившись, как те малые облачка тёплого воздуха, вырывавшиеся из её рта, когда она охала под моим натиском.

Уколы в лицевые мышцы были болезненны, но не так как эта противная процедура пигментирования. Помимо того, что тебе в течение часа вливают под кожу в нескольких местах жидкость, так её ещё надо равномерно разгонять по телу, поглаживая себя. «И не вздумай сильно тереть!» — София перехватила мои руки уже занесённые над ногами. «Сильно потрёшь, неравномерно распределится пигмент, будешь полосками или пятнами». А пигмент, по словам Марты, держится стойко около месяца или более. В зависимости от физиологических особенностей организма. Поэтому, плавными движениями, вверх-вниз, вверх-вниз. И дышать надо ровно. Валерия, которую кололи рядом, протяни руку и её спина вот, стойко выдерживала все эти манипуляции. Только раз пискнула, когда София невольно

прихватила кожу в паху, рядом с «началом вселенной». Когда настала моя очередь, то растирала меня Марта. София, устав от процедур, побежала к озеру. Руки у Марты были чуть поглубже, чем у Софии, но от неё шла такая энергия, что мой «помощник» принял через пару минут боевое положение. Она хмыкнула, лукаво подмигнула.

— Умничка. Принял нужную позу. Сейчас мы его разгладим. — С этими словами она задвигала пальчиками по твердеющему члену, разгоняя пигмент. С ней у меня ничего не было, но ещё немного таких поглаживаний и на очередной остановке я её точно сделаю. Если не кончу сейчас. — Обрати внимание, Ник, первое, что будет бледнеть у тебя, по мере выхода пигмента, так это твой член. Обрати на это внимание. Хорошо?

— А у меня, что в первую очередь будет бледнеть? — Мы с Валерией будем таким полукреолами, полу чёрт-знает-кем. Мне чуть расширили мускулы лица, добавили растительности в уши, а ей удлиннили мочки ушей, изменили форму груди, задницы, сделав их ещё аппетитней. Или просто недостижимое такое притягательное? Вертясь сейчас перед зеркалом нагишом, Валерия высматривала на теле незаполненные точки, рассматривала новую форму груди и задницы.

— Тебе, вообще, милочка, не следует сильно обнажаться. — Марта задержала свою руку на моём члене, обхватив его по всей длине. Мне было так приятно, что пришлось втянуть воздух, задержать дыхание. Ещё чуть-чуть и я кончу прямо на её майку с шортами! — Пигмент на околососочной области не работает. Соски и кружочек у тебя светлые, розовые. У пришлых мешанок соски и область эта кофейного цвета. А значит, тебе оголять грудь нельзя. Сразу вычислят, что ты обработана.

— А мне? — Сдавленным голосом спросил я.

— Тебе? — Она посмотрела мне в глаза. Валерия пошла по коридору в другую часть второго этажа кабины за своим бельём. — Кончишь?

— А?

— Ты уже готов. — Она соскользнула вниз, обхватила губами член. Она была права. Несколько сильных движений языком, с десятков глотков и я взорвался. Какая она мастерица! Марта же глотала и глотала изливавшегося меня, помогая снять напряжение. Наконец, она встала, улыбнулась, поправляя волосы, почесала за ухом. — Вот, что-то примерно так.

— Спасибо. — Я даже не знал, что ещё сказать в таком случае.

— София жадина. Она хочет только себе. А ты, видно, умеешь хорошо любить. Слышу. — Марта погладила меня плечу. — Тяжёлые сумки не носи на плече. Пигмент быстро сойдёт. — И уже шёпотом. — Вам готовят документы. Ло сам занимается этим вопросом. Но взамен хочет кое-какой услуги. И от тебя, и от неё. Какой не знаю. А подробнее потом поговорим.

— У меня тоже есть много вопросов. — Также шёпотом ответил я. Ей я задам все вопросы, что накопились у меня за это долгое и приятное путешествие.

Когда ты в ситуации, при которой явь резко отличается ото сна, а сон столь ярок, что перебивает явь, то лучшее средство прийти в себя — покой. Сначала мир вокруг тебя кажется сном, а ты просто статист, задействованный в этой сцене. Потом мир начинает проникать в тебя, ты начинаешь на него реагировать, влетаться во временную ленту, восстанавливается понимание, что явь это явь, а то, что было час назад — просто переживания, ощущения других людей.

Так думал я, еле отойдя от очередного просмотра воспоминаний Капитана. Вырванный из

ощущений сладостного мира его юности, я шёл по коридорам, здоровался с соседями по каютам. Но всё это было «не так», мир ватными звуками жил отдельно от меня, люди были скучно-простыми, краски тусклы. Да, специалисты, обсуждая эту новую напасть, прозванную «электронным наркотиком», говорили о таком эффекте при длительном просмотре записей. Но когда сам это не пройдёшь, все эти слова кажутся простыми уловками специалистов желающих закрыть доступ к этому будоражающему ум миру. Наши обмены с подругой простая детская забава по сравнению с такими мощными воспоминаниями Капитана.

Прогулочная палуба никогда не спала. Вот и сейчас громкая музыка выплёскивалась из открываемых дверей, мигали огни вывесок, пары и компании посмеиваясь, прогуливались вдоль заведений, посматривая на точки звезд наверху, друг на друга, на новых людей, женщин и мужчин, привлекавших внимание. И в этом вечном празднике я был отдельной частью, сидевшей на скамейке, с пакетиком жареных каштанов. () Попробовав их впервые тут на борту, я не мог от них отвязаться. Вкусные! К тому же, после сеанса на меня напала такое желание поесть, что в первом же попавшимся ларьке с каштанами был куплен вот это большой пакет, который я успешно опустошал. Остальное всё — заказ блюда в столовой, порция алкоголя, обязательный сладкий пончик — всё это потом. Голод требовал насыщения — сейчас и немедленно.